

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

УДК 159.9

**Трансформации современности:
человек, мир, методология***М. С. Гусельцева*

Федеральный научный центр психологических
и междисциплинарных исследований (Психологический институт),
Российская Федерация, 125009, Москва, ул. Моховая, 9

Для цитирования: *Гусельцева М. С.* Трансформации современности: человек, мир, методология // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2025. Т. 15. Вып. 3. С. 352–370. EDN ITVKUQ

Обсуждаются ключевые трансформации современности, изменения человека и мира; проблемы, связанные с исследовательскими стратегиями их изучения. Среди факторов, ответственных за текущие изменения, ученые прежде всего выделяют процессы глобализации и цифровизации, а также феномен смешивания различных тенденций, известный под названиями «гибридизация», «креолизация», «микширование». Изменения, усложнение, диверсификация, турбулентность сделали фокусом внимания и предметом рефлексии социальных наук. Однако уже на рубеже XX–XXI вв. встал вопрос об отсутствии релевантного методологического и терминологического аппарата для описания современных трансформаций. У человека и мира появились свойства, которые не видимы или в полной мере не отражаются моделями, выстроенными в логике прежних представлений о реальности. Осмысление современности в аспектах становления, процессуальности, текущих изменений человека и мира нашло отражение в ряде общенаучных концепций, таких как концепция метамодерна, концепция текучей современности, концепция сверхсложности, концепция сверхразнообразия, концепции перегретого мира и идеального шторма. Авторы этих концепций сходятся в том, что изучение изменений нуждается в новых методологических стратегиях, более тонком аналитическом инструментарии. Эти новые методологические стратегии так или иначе направлены на разработку меж- и трансдисциплинарности. В статье посредством анализа обозначенных выше концепций обосновываются идеи, касающиеся релевантности методологических стратегий при изучении современных трансформаций. Утверждается, что фокусом и точкой приложения интеллектуальных сил в достижении релевантности должны стать два челночных движения: 1) от текучей современности — к текучей методологии; 2) от изменяющегося мира — к изменяющемуся исследователю. Трансдисциплинарность в действии (*transdisciplinarity in action*)

раскрывается как механизм осознанного самообучения исследователя непосредственно в ходе исследования.

Ключевые слова: методология, человек и мир, изменения, сверхсложность, сверхразнообразие, идентичность, трансдисциплинарность в действии.

Введение

Информационная перегруженность эпохи кристаллизуется в поиски новых образовательных и методологических стратегий. Идеи о трансформации современности, изменениях человека и мира, идентичности, методологии, разработке меж- и трансдисциплинарности, разнообразии способов познания буквально носятся в воздухе, предвосхищая рождение новой парадигмы, в стремлении угадать основные ее очертания. При этом специфику текущих изменений довольно трудно сформулировать языком уже известных парадигм. Представления о реальности как отдельных субъектов, так и научного сообщества в целом формируются в ходе становления их собственных жизненных миров, а потому естественная установка — при осмыслении нового помещать его в прежние схемы мышления. Однако признаком расхождения когнитивных карт и изменившейся местности служит нарастающая тревога¹, проявляющаяся в новых веяниях искусства или интеллектуальном стремлении узреть проникающие в повседневность протуберанцы, обнаружить в изменениях повседневных практик отблески грядущей эпохи. Наиболее же конструктивной реакцией на перемены, на наш взгляд, становится осознанная смена методологической оптики (Гусельцева, 2012; Гусельцева, 2015).

Начиная с рубежа XX–XXI вв. в психологии и других социальных науках множится количество публикаций, рассуждающих об изменениях человека и мира, росте сложности, неопределенности и разнообразия. Среди ответственных за изменения факторов исследователи выделяют в первую очередь процессы глобализации, цифровизации, а также феномен смешивания различных тенденций, известный под названиями «гибридизация» (hybridization), «креолизация» (creolization), «микширование» (mixing) и пр. (Dotlich et al., 2009; Eriksen, 2003; Eriksen, 2007; Vertovec, 2014; и др.).

Изменения, усложнение, диверсификация, турбулентность сделали фокусом внимания и предметом рефлексии социальных наук. Однако довольно скоро выяснилось, что описание новой реальности нуждается в разработке более релевантного словаря, а для изучения изменений необходимы иные методологические стратегии, более тонкий аналитический инструментарий². В методологии науки новые исследовательские стратегии чаще всего обсуждаются сегодня в терминах полипарадигмальности, интегративных подходов, меж- и трансдисциплинарности (Бажанов, Щольц, 2015; Гусельцева, 2016; Frodeman, 2017; Hirsch Hadorn et al., 2008; Lange van, 2006; и др.).

¹ С алармистскими ожиданиями связаны научные, философские и художественные произведения, которые можно отнести к жанру «закатов Европы» и/или критики нравов подрастающих поколений.

² Так, например, «в последние годы Светлана Бойм разрабатывала теоретическую концепцию Off-Modern, создавая новые термины и методологию для изучения различных политических, культурных, литературных и визуальных явлений современности» (Бойм, 2025, с. 11) (курсив мой. — М. Г.).

На общенаучном уровне социального знания возник ряд концепций, пытающихся осмыслить социокультурные и социально-психологические феномены в процессе их становления. Среди этих концепций отметим прежде всего концепцию текучей современности (liquid modernity) социолога З. Баумана (Z. Bauman)³; концепцию метамодернизма (metamodernism), разработанную нидерландским философом Р. ван ден Аккером (R. van der Akker), норвежским искусствоведам Т. Вермюленом (T. Vermeulen) и британским концептуалистом Л. Тернером (L. Turner); концепцию сверхсложности (supercomplexity), ассоциированную с именем философа и теоретика образования Р. Барнетта (R. Barnett); концепцию сверхразнообразия (superdiversity), предложенную социологом, этнологом и исследователем в области транснациональной антропологии С. Вертовеком (S. Vertovec); концепцию «перегрева» (overheating) норвежского антрополога Т. Х. Эриксона (T. H. Eriksen); и концепцию «идеального шторма» (perfect storm) Д. Л. Дотлича (D. L. Dotlich), П. К. Кэйро (P. K. Kairo) и С. Х. Райнсмита (S. H. Rhinesmith), признанных американских экспертов в области лидерства и управления (Бауман, 2008; Barnett, 2000; Dotlich et al., 2009; Eriksen, 2016; Eriksen, Schober, 2016; Akker van den et al., 2017; Vertovec, 2007; Vertovec, 2014).

Само по себе приведенное выше перечисление концепций и имен ученых свидетельствует о транснациональности и трансдисциплинарности современной науки в действии. Однако важнее обратить внимание на иное обстоятельство. В описании современности проявились тренды, нашедшие выражение в удвоении понятий или изобретении новых терминов: ускорение ускорения (acceleration of acceleration); изменение изменений (change of changes); сверхразнообразие (superdiversity) как разнообразие разнообразия, или диверсификация/усложнение разнообразия; сверхсложность (supercomplexity) как новый уровень и тип сложности; «перегрев» (overheating) как ускорение и перемешивание (blending, mixing) изменений; «идеальный шторм» (perfect storm) как интерференция неопределенности, сложности и разнообразия. За этими опытами описания текущих трансформаций человека и мира прослеживаются не только поиски нового взгляда и нового языка, но и сознательные усилия ученых, направленные на изменение привычных схем и способов мышления.

Цель данной статьи — посредством сравнительного анализа названных выше концепций обосновать идеи, касающиеся релевантных методологических стратегий изучения человека и мира в трансформациях современности. Выраженные словами, эти идеи нередко звучат как лозунги, поскольку их реализация требует саморефлексивности, сознательных усилий и напряженной работы. Суть же их в том, что релевантные методологические стратегии строятся, как минимум, из двух Челюнных движений:

- 1) от текучей современности — к текучей методологии;
- 2) от изменяющегося мира — к изменяющемуся исследователю.

Механизмом их реализации является трансдисциплинарность в действии (transdisciplinarity in action).

³ Термин З. Баумана — liquid modernity — оказался весьма удачен в переводе на русский язык, выделив не жидкое, а именно текучее состояние современности.

Метамодерн как предчувствие иной парадигмы

Метамодерн разрабатывается как философская, социокультурная и эстетическая концепция, описывающая современное состояние человека и мира, а также поиск новых способов мышления, колеблющихся между модернизмом и постмодернизмом (Гусельцева, 2018; Павлов, 2018; Akker van den et al., 2017; Vermeulen, Akker van den, 2010). Это практика сложного и текучего мышления, которое балансирует между убежденностью и сомнением; учитывает многослойность, противоречивость, антиномичность, неоднозначность реальности; стремится совместить рациональное и эстетическое, одновременно использовать иронию и искренность. Ключевое понятие метамодерна — колебание (*oscillation*). Понятие разработано для интеграции опыта и знаний в условиях антиномичного, текучего, диверсифицированного, информационно перенасыщенного мира. Оно предполагает маятниковое, но и с каждым колебанием наращивающее смыслы движение, охватывающее разнообразие идей, подходов и стилей. Колебание, или осцилляция, — конструкт, соответствующий зыбкости социокультурной реальности; времени, вышедшему из пазов; неустойчивой идентичности человека, пребывающего в ситуации изменений, где сами перемены стали новой нормальностью современного образа жизни. В свою очередь, Б.Г. Демпси (B. G. Dempsey), изучая метамодернизм как культурную логику, переосмысливающую предшествующие эпохи и создающую мультиперспективный взгляд на мир, отмечает рост саморефлексивности. Он использует термин «децентрирование» (*decentering*) — критическое переосмысление предшествующих культурных логик с целью их интеграции и аналитически отстраненного взгляда из метаперспективы (Dempsey, 2023).

Концепция метамодерна выступила одной из попыток сформулировать новую парадигму, уловить ее основные черты в процессе становления. Также здесь зафиксировано изменение изменений. Оно выразилось в том, что прежние смены парадигм обозначались посредством префиксов «пост-», «анти-», «не-» или «нео-» (например, постструктурализм — то, что после структурализма; антимодернизм — критика модернизма; неоклассика — то, что отталкивалось от классики, и т. п.). Изменения в механизмах смены парадигм отразились в перемене префиксов: «транс-» подчеркивает подвижность и текучесть бытия и познания; «мета-» характеризует тенденции к интеграции (Гусельцева, 2015; Гусельцева, 2016).

Метаморфозы и трансформации сделали сутью новой эпохи. Акценты сместились с бытия на становление. Однако новые правила жизнеустройства не установлены, они находятся в процессе формирования, они неизвестны и непонятны. Смятение (*turmoil*) выступает в этой ситуации еще одним свойством новой нормальности.

Далее логично было бы рассмотреть концепцию текучей современности З. Баумана, однако в связи с ее популярностью и ограниченным объемом статьи удовольствуемся кратким изложением. З. Бауман подчеркнул такие черты современности, как гибкость, неустойчивость, постоянство изменений; вынужденность пересборки идентичности под давлением меняющихся жизненных обстоятельств; неравномерный рост свободы и неравенство возможностей; психологические проблемы тревожности, неуверенности и одиночества (Бауман, 2008).

Концепция сверхсложности как программа осознанных изменений

В 2000 г. Р.Барнетт, философ и аналитик в сфере образования, в книге «Осмысление университета в эпоху сверхсложности» (Realizing the University in an Age of Supercomplexity) ввел это понятие (Barnett, 2000). Термин «сверхсложность» (supercomplexity) понадобился для описания нового качества современности, в которой:

- усилилась неопределенность;
- традиционные способы познания более не вели к релевантному пониманию человека и мира;
- возникло множество конкурирующих интерпретаций;
- разные взгляды и ценности вступали в противоречие;
- познавательная деятельность, совершающаяся в стенах университетов, утрачивала четкие дисциплинарные границы.

Усиливающие друг друга неопределенность, текучесть и изменчивость окружающей среды делали сложившиеся представления о реальности сомнительными, а стабильные схемы мышления — неэффективными. Также проблематичным в эпоху постмодернизма стало понятие идентичности, ибо человек оказался вовлечен в круговороты изменчивости и неопределенности современной эпохи (Barnett, 2000).

Согласно Р.Барнетту, сверхсложность есть состояние современности, в основе которого лежат четыре взаимосвязанных фактора: неопределенность (uncertainty); непредсказуемость (unpredictability); оспариваемость, готовность подвергать все основы сомнению (challengeability); дискуссионность, возможность множества интерпретаций (contestability). Помимо этого, сверхсложность включает сплав нестабильности и риска, тревоги и непостоянства: аксиомы и постулаты, на которых держался видимый мир, сделались зыбкими и поставлены под вопрос.

Р.Барнетт объясняет, почему для характеристики текущего состояния человека и мира недостаточно термина «сложность». Сверхсложность — это трансформация и усложнение, изменение самого типа сложности. В современности более нет надежных опор. «Мы пребываем в ситуации сверхсложности, где сами рамки, созданные для того, чтобы сделать этот мир понятным, проблематизированы» (Barnett, 2000, p. 76). Познание состоит из множества конкурирующих интерпретаций, где наши представления постоянно подвергаются сомнению и переосмысливаются. Иными словами, Р.Барнетт пытается развить идеи текучего познания, трансформирующихся способов понимания, релевантных трансформациям человека и мира⁴. Отдельно он указывает на проблему человекоразмерности измене-

⁴ В этой связи необходимо упомянуть и концепцию сложного мышления Э.Морена (E. Morin) (Морен, 2005; Морен, 2019). И Р.Барнетт, и Э.Морен обосновывают методологические стратегии, релевантные текучести, неустойчивости и многогранную противоречивость человека и мира в условиях современности. Сложное мышление течет. Метод в концепции Э.Морена есть путь в том смысле, что метода заранее не существует, он создается в ходе исследовательского процесса. Сложное мышление (la pensée complexe) как бы фланирует между философией, естествознанием и социальными науками, избегая доминирования той или иной дисциплины (Морен, 2005; Морен, 2019). В дальнейшем такие идеи стали обсуждаться под именем трансдисциплинарности (Hirsch Hadorn et al., 2008).

ний, ибо человеческая психика с трудом приспосабливается к растущей скорости современных трансформаций.

На протяжении всей книги Р. Барнетт доказывает, что ответом на вызов сверхсложности должна стать перестройка системы высшего образования, призванная ориентировать учащихся не на переработку информации, а на жизнестроительство в мире, где более нет окончательных ответов. Университету следует не транслировать знания, а развивать способность к критическому мышлению и готовность к работе с неопределенностью. «Современный университет строится на осознании того, что практически все в окружающем мире подвержено сомнению» (Barnett, 2000, р. 99), познание нуждается в переосмыслении. Барнетт подчеркивает, что, хотя рассуждения о жизни в сложном, меняющемся, непредсказуемом мире уже сделались трюизмом, реальная мера сложности этой работы не осознается. Переосмысления требуют все утверждения, теории и практики, институты и технологии, а также априорные структуры, в рамках которых создаются и реализуются теории, формируются ценности, производятся технологии и институты (Barnett, 2000). Согласно Барнетту, университет выступает тем социальным пространством, где не только сверхсложность обнаруживается наиболее выпукло, но и человек находит средства с ней справляться. Однако для этого университет должен быть трансформирован. Р. Барнетт намечает программу этой трансформации, состоящую из шести аспектов:

- 1) критическая междисциплинарность (critical interdisciplinarity)⁵;
- 2) коллективный самоанализ (collective self-scrutiny) как развивающаяся форма рефлексии⁶;
- 3) целенаправленное обновление (purposive renewal);
- 4) подвижные границы (moving borders);
- 5) взаимодействие с сообществами за рамками университета, пребывание в постоянном диалоге (engagement);
- 6) коммуникативная толерантность (communicative tolerance) и коллективная самоирония⁷ (Barnett, 2000, р. 104–109).

Рассуждения Р. Барнетта о том, что ученым следует стать «практикующими эпистемологами», строить жизнь, не ограничиваясь рамками научного сообщества, проецировать результаты своих исследований на окружающую реальность, сближают его концепцию с идеями участвующей антропологии (engaging anthropology) Т. Х. Эриксона (Eriksen, 2006), а также с методологией трансдисциплинарности (Hirsch Hadorn et al., 2008).

⁵ «Пространство дисциплины не может быть дистиллированным, оно потенциально подвержено вторжению с любой стороны» (Barnett, 2000, р. 104). Современный университет является пространством столкновения множества дискурсов. «Университет должен не просто реагировать на неопределенность, но и взаимодействовать с ней», быть открытым к новым перспективам (Barnett, 2000, р. 104).

⁶ «Сверхсложность провоцирует рефлексивность. Когда утрачивается определенность, фундаментальные концепции и структуры должны подвергаться перепроверке. Рефлексивное общество является неизбежным результатом сверхсложности» (Barnett, 2000, р. 105).

⁷ «Сознание зачастую выживает только благодаря иронии» (Barnett, 2000, р. 111).

Концепция «перегретого мира» и кризис идентичности

Среди социальных наук антропология оказалась едва ли не наиболее чувствительна к изменениям человека и мира; здесь же появились первые концептуализации трансформирующейся современности и методологии ее исследований (Eriksen, 2003; Hannerz, 1997). С 1990-х гг. Т. Х. Эриксен разрабатывал концепцию перегрева. Проблемы идентичности современного человека в его работах соотносены с экономической, социокультурной и экологической динамикой современного мира. Среди наиболее значимых процессов современности он рассматривает кризис идентичности, изменения климата и глобализацию. Методологической находкой Т. Х. Эриксена стало использование антиномий:

- анализ глобальных проблем в преломлении жизни локальных сообществ;
- осмысление текущих процессов в единстве роста и упадка;
- сочетание рациональности и иррациональности;
- глобализации и локализации;
- потерь и обретений идентичности;
- стандартизации и персонализации;
- ускорения и замедления;
- предсказуемости и неожиданности;
- креативности и утраты творческого потенциала и т. п.

«Эти процессы не просто негативны или позитивны для тех, кого они затрагивают: то, что некоторые воспринимают как кризис, для других вполне может представлять собой возможность, и всегда существует потенциал для спонтанных трансформационных моментов» (Eriksen, Visentin, 2024, p. XIX).

В отсутствии сложившегося научного языка на помощь ученым, как правило, приходят метафоры. Перегрев (overheating) как метафорический конструкт⁸ объединяет разноплановые реальности: потепление планеты, ускорение социокультурных трансформаций, рост социального напряжения, возникновение «горячих точек», вспышки политических и межкультурных конфликтов. Концепция перегрева описывает современность, в которой изменения не просто стремительны, но совершаются с разной скоростью в различных областях жизни. Все это сопровождается десинхронизацией: например, во время недавней пандемии там, где физический мир замедлялся, цифровой продолжал ускоряться. Фокусом анализа здесь становятся не просто новые, порождающие перегрев факторы, а одновременное несбалансированное «соприсутствие различных асимметричных масштабов, времен и сложностей, которые становятся все более и более неразрывными» (Eriksen, Visentin, 2024, p. X). При этом для соотношения разных уровней анализа и масштабов событий в потоках трансформаций человека и мира такая концептуальная модель нуждается в трансдисциплинарном подходе.

⁸ Т. Х. Эриксен раскрывает смысл введенного им понятия следующим образом: «Термин “перегрев” привлекает внимание как к ускоренным изменениям, так и к напряженности, конфликтам и трениям, которые они порождают; он также — неявно — сигнализирует о необходимости исследования посредством диалектического отрицания, замедления или охлаждения» (Eriksen, 2022, p. 404).

Концепция «идеального шторма» и средства навигации

Эксперты в области лидерства и управления Д. Л. Дотлич, П. К. Кэйро и С. Х. Райнсмит на страницах своей книги развивают концепцию «идеального шторма» и разрабатывают средства навигации в мире неопределенности, сложности и разнообразия (Dotlich et al., 2009). В сходном с Т. Х. Эриксоном ключе они выделяют ведущие факторы современных трансформаций — сочетание возросшей на рубеже веков скорости технологических инноваций с разнообразием точек зрения и растущих возможностей самореализации человека в мире, а также климатических угроз и нестабильности. В трансформациях современности соавторы выделяют три волны «идеального шторма»: сложность, неопределенность и разнообразие⁹. Метафора идеального шторма охватывает ситуацию современности, где прежним представлениям о человеке и мире отказано в релевантности, в дискуссиях громко звучат новые голоса, а повседневность вовлечена в водовороты хаоса и турбулентности. Мир сделался более специализированным и более сложным, технологически изощренным и фрагментированным (Dotlich et al., 2009, р. 45). «Мы находимся в эпицентре революции разнообразия» (Dotlich et al., 2009, р. 22). В стремительно меняющемся мире «на следующий день или в следующую минуту» происходят события, делающие исследования устаревшими, а ресурсы недостаточными (Dotlich et al., 2009, р. 23). Тревоги и страхи искажают наше видение. Привычные способы действия ведут лишь к умножению трудности и беспокойства, и даже самые опытные эксперты утрачивают ориентиры для продвижения «в этой нестабильной и непредсказуемой среде» (Dotlich et al., 2009, р. 6).

Основная идея книги: трансформации современности и вызванные ими кризисы требуют изменения поведенческих и методологических стратегий. Д. Л. Дотлич и соавторы проводят мысль, что ключевые вызовы современности — сложность, разнообразие и неопределенность — заслуживают релевантного ответа. Сложность (complexity) современности проявляется в многослойности проблем, с которыми не совладать без перестройки мышления. Эффективными способами управления сложностью является использование парадоксов (ср.: со сложным мышлением Э. Морена; антиномиями Т. Х. Эриксона) и смена методологической оптики. Разнообразие (diversity), связанное с жизнью в мультикультурной и нестабильной среде, подталкивает к выработке новых способов взаимодействия. Среди последних наиболее существенную роль играет сочетание коммуникативной рациональности и эмпатии. Понимание иных культур, способность встать на точку зрения чужака, готовность создавать стратегические альянсы выступают важными ресурсами развития сотрудничества. Если прежде разнообразие рассматривалось как проблема, то сегодня оно представляет собой возможность. Сплав разнообразия и инклюзивности создает основы для творчества. Неопределенность (uncertainty) означает, что в условиях нестабильности традиционные прогнозы и стратегии более не эффективны, но здесь на помощь приходят открытость к новым идеям, готовность к риску и инновациям. Перестройка поведенческих стратегий требует от человека са-

⁹ Обратим внимание на отнюдь не удивительное сходство с заголовком статьи «Психология современности: вызовы неопределенности, сложности и разнообразия» А. Г. Асмолова, который, насколько мне известно, не был знаком с работой названных авторов, однако довольно четко выделил ключевые моменты современных трансформаций (Асмолов, 2018, с. 13–26).

морerefлексии и осознанности, стойкости и выработки внутреннего локуса контроля. Опора «на свои личные убеждения, ценности и целеустремленность» (Dotlich et al., 2009, p. 11) создает островки надежности в потоке трансформаций. В мире, охваченном хаосом и турбулентностью, важно культивировать личную автономию, осознанность и понимание. Буфером против непредсказуемости служат крепкие социальные связи. Все это вместе есть средства навигации во время идеального шторма (Dotlich et al., 2009).

От текучей современности — к текучей методологии

Рассмотренные концепции отличает общность представлений и методологических установок:

- озадаченность релевантностью исследовательского инструментария;
- явная или латентная трансдисциплинарность;
- стремление к антропологически целостным представлениям о человеке и мире;
- сложное мышление посредством антиномий;
- соотнесение локальных и глобальных перспектив и др.

Сравнительный анализ концепций представлен в виде таблицы (табл. 1). В этих подходах формируются и новые качества исследовательской деятельности: установка на подвижность, калейдоскопичность картины мира; гибкость познавательных инструментов; умение посмотреть на предмет с разных углов зрения и по-новому сконфигурировать представления о реальности; быть готовым отказаться от сложившейся картины мира, собирая каждый раз ее заново. Разумеется, это требует ресурсов и повышенных интеллектуальных усилий. Таким образом, если исследования текучей современности повлекли за собой разработку текучей методологии, то для реализации последней востребованы готовые изменяться в процессе исследования ученые¹⁰.

Практически все вышеназванные концепции так или иначе описывают стремительные трансформации человека и мира, обусловленные глобализацией, взрывом технологий и ускорением социокультурных изменений. Изменение жизненной среды, нестабильность, противоречивость и неопределенность ведут к кризису прежних форм идентичности и методов познания, к необходимости вырабатывать новые способы ориентации в меняющемся мире, развивать гибкие, готовые к переосмыслению и самообучению формы. Сложность и разнообразие побуждают к отказу от застывших истин (критика «окаменевших мыслей» в концепции Э. Морена), принятию как новой нормальности множественных точек зрения, антиномичных и конфликтующих взглядов на мир. Однако наиболее значимыми достижениями является разработка терминологии и методологических стратегий, направленных на трансдисциплинарную интеграцию; признание, что исследователь вынужден

¹⁰ Качествам ученого, вынужденного или способного справляться с изменившимися условиями жизни и познания, могла бы быть посвящена отдельная статья, пока же отошлем читателя к обзору книги нобелевского лауреата по физиологии и медицине К. Карико (K. Karikó) «Прорыв. Моя жизнь в науке» («Breaking Through: My Life in Science») (Karikó, 2023), где развивается эта тема (Гусельцева, 2025).

Таблица 1. Сравнительный анализ концепций, описывающих ключевые трансформации современности

Концепция	Изменчивость, гибкость, текучесть	Ускорение процессов	Антиномичность, противоречивость	Неопределенность, непредсказуемость	Сложность, разнообразие, множественность перспектив	Кризис идентичности
Текущая современность	Текучесть, нестабильность, постоянные трансформации	Ускорение изменений, растворение разного рода границ	Рост свободы и неравенства возможностей	Неустойчивость, вынуждающие рост тревоги	Фрагментированность современности	Разрушение социальных связей, одиночество, пересборки идентичности
Метамо더니зм	Колебания, осцилляция, культурная и интеллектуальная гибкость	Ускорение в смене культурных эпох и стилей	Сочетание искренности и иронии, убежденности и сомнений	Недостижимая истина как процесс хождения к ней	Рост саморефлексивности, интеграция полярных мировоззрений	Новые стратегии в поисках смысла
Сверхсложность	Трансформация бытия и познания	Рост объема знаний, информационная перенасыщенность	Противоречия между традицией и новыми вызовами, между скоростью изменений и способностью человеческой психики адаптироваться	Кризис знания, невозможность окончательной истины	Разнообразие дискурсов и точек зрения	Нечеловеческоразмерность изменений, ответственность университетов за обучение пребыванию в изменениях и неопределенности
Сверхразнообразие	Социокультурные трансформации, текучесть и гибкость структур	Ускорение социальной мобильности, миграционные потоки как норма жизни	Пересечение множества этнических, культурных и социальных факторов	Риски конфликтов из-за смешивания и возросшего темпа изменений	Гибридность смешивание культурных традиций	Творчество новых форм идентичности, риски сегрегации
«Перегрев»	Слишком быстрые трансформации человека и мира	Глобальное ускорение социальных процессов, экспоненциальный рост технологических и климатических изменений	Конфликт традиций и глобализации	Трансформационная спонтанность, рост стресса из-за темпа и интерференции изменений	Смешивание локальных и глобальных дискурсов	Давление глобализации на локальные идентичности, креолизация как ответ на вызов
«Идеальный шторм»	Вызовы глобальных и технологических изменений	Ускорение глобальных и технологических изменений	Несоответствие между скоростью изменений и готовностью отвечать на эти вызовы	Рост стресса из-за сложности, неопределенности, разнообразия и темпа изменений	Смешивание трех волн идеального шторма — неопределенности, сложности и разнообразия	Готовность или неготовность отвечать на вызовы неопределенности, сложности и разнообразия

меняться, переосмысливать профессиональный опыт, перетряхивать схемы мышления, заново самообучаться в процессе исследования¹¹.

Исследование сложных и саморазвивающихся реальностей происходит сегодня в режиме текучести познания, где встречаются пресловутый изменяющийся мир, изменяющийся человек в изменяющемся мире и изучающий все это изменяющийся исследователь, который к тому же использует смешанные методы, развивает подвижные и гибкие исследовательские стратегии, оперирует разнообразием инструментов познания и методологических оптик. В этом процессе, подразумевающим осознание лабильности собственной картины мира, включающем принципы саморефлексивности, рекурсивности, процессуальности и контекстуальности, изменяющееся исследование течет и меняется вместе с изучаемой реальностью и изучающим ее ученым (Гусельцева, 2015; Гусельцева, 2016).

Подобно хирургу, проводящему сложную операцию с помощью разнообразных инструментов, или художнику, набрасывающему на полотно разные краски, ученый подбирает познавательные орудия и методологические оптики, отыскивая более адекватные для меняющейся реальности в ходе исследовательского процесса. Исследование такого рода течет, не озадачиваясь своими границами, а, напротив, стремится к открытости. Подвижное изменяющееся исследование изменяющегося человека в изменяющемся мире — суть новых методологических стратегий. Предчувствие новой парадигмы уже отразилось в фокусировке внимания психологов на аспектах рекурсивности, многомерности, транзитивности, процессуальности и контекстуальности изучаемой реальности (Асмолов, 2018; Гришина, 2018; Гришина, Костромина, 2021; Леонтьев, 2010; Марцинковская, 2015; и др.). Однако к двухсоставной схеме — развивающийся человек в развивающемся мире, «подвижное в подвижном» и т. п. — сегодня необходимо добавить дополнительные компоненты: изменяющееся, текучее исследование, саморазвивающееся вместе с изучаемой реальностью, включающее разнообразные познавательные инструменты, и меняющийся, самообучающийся, пересматривающий и перестраивающий свое представление об изучаемой реальности исследователь. Неопределенность, сложность, текучесть и разнообразие — уже не столько вызовы, сколько органичные условия познания человека и мира. Эволюция познания разворачивалась через усложнение и наращивание дополнительных измерений: от изучения объектов (успехи естествознания XIX в.) к изучению и объектов, и субъектов в их взаимоотношениях с миром (развитие социальных наук на протяжении XX в.), в дальнейшем — к саморефлексии и фокусировке на методологических аспектах (от движения смешанных методов до меж- и трансдисциплинарности в XXI в.).

Итак, ответом на осмысление современности в категориях неопределенности, сложности, разнообразия, текучести, перегрева и турбулентности становится выработка релевантных поведенческих и методологических стратегий, отвечающих микшированному, непрерывно трансформирующемуся состоянию человека и мира. Для изучения текучей современности и изменяющегося человека в изменяющемся мире понадобились текучая методология и изменяющийся исследователь. Однако то, что легко провозгласить, трудно реализовать на практике. Ведь сама

¹¹ Ср. с принципом творческой самодеятельности С. Л. Рубинштейна: в творческой деятельности рождается творец.

человеческая психика, стабилизирующая окружающий мир в мировоззрении, сопротивляется потоку изменений.

Если переходить от лозунгов к механизмам реализации, то способом, позволяющим ученому осуществлять самообновление и практиковать гибкие методологические стратегии, становится трансдисциплинарность в действии (transdisciplinarity in action).

Трансдисциплинарность в действии

В современной науке представлено несколько моделей интеграции знания. «Для различения форм и функций пересечения дисциплинарных границ были придуманы различные термины, такие как междисциплинарность, кроссдисциплинарность, трансдисциплинарность и другие. К сожалению, эти термины не всегда имеют одинаковое значение из-за независимых разработок и различных связанных мотивов» (Hirsch Hadorn et al., 2008, p. 25). Кроссдисциплинарность есть пересечение дисциплин без их объединения. Чаще же всего речь идет о полипарадигмальных подходах, а также о мульти-, поли-, меж- и трансдисциплинарности. «Рассмотрение возможностей использования нескольких уровней как потенциально аналитически плодотворных открывает методологические возможности» (Vertovec et al., 2022, p. 228).

В наши дни практики меж- и трансдисциплинарности из экзотических постепенно становятся почти рутинными. Однако, прежде чем обратиться к рассмотрению трансдисциплинарности в действии, зафиксируем основные различия между стратегиями интеграции знания в виде таблицы (табл. 2).

Из таблицы видно, что наиболее релевантной методологией для изучения трансформаций человека и мира, феноменов сверхсложности и сверхразнообразия на сегодняшний день выступает трансдисциплинарный подход. Он позволяет не только интегрировать наработки различных дисциплин, фокусируясь на решении той или иной проблемы, но и объединять знания из области науки, искусства и философии; соединять академические и прикладные исследования; налаживать сотрудничество и диалог ученых с потребителями их разработок; использовать потенциал «гражданской науки» (citizen science) и т. п. (Hirsch Hadorn et al., 2008).

Между тем и современные концептуализации трансдисциплинарности, и реализованные трансдисциплинарные подходы тоже весьма различны. Преодоление границ между дисциплинами может быть мотивировано представлением о единстве знания в целом; пониманием сложности конкретных вопросов; инновациями в фундаментальных исследованиях, например в молекулярной биологии (Hirsch Hadorn et al., 2008, p. 25). В социальном плане необходимость в трансдисциплинарности возникает при сочетании познавательной неопределенности и повышенной значимости проблемы; ее оспариваемости (challengeability) и дискуSSIONности (contestability); ценностной нагруженности участвующих в решении проблемы лиц. В методологическом плане трансдисциплинарность структурирует проблемные области так, чтобы «а) охватить сложность проблем, б) принять во внимание разнообразие жизненного мира и научного восприятия проблем, в) соединить абстрактное и конкретное знание для частного случая, г) соотнести знания и практики с категорией общего блага» (Hirsch Hadorn et al., 2008, p. 30).

Таблица 2. Ключевые различия между мульти-, поли-, меж- и трансдисциплинарностью

Понятие	Интеграция знаний	Взаимодействие дисциплин	Примеры исследований	Результат или методологический фокус
Мультидисциплинарность (Multidisciplinarity)	Низкая степень интеграции (механическая интеграция на этапе общего отчета или коллективной монографии). Интеграция со стороны внешнего наблюдателя	Исследование совершается параллельно специалистами из различных дисциплин, их взаимодействие возможно, однако не обязательно	Городские исследования, где антропологи, психологи, социологи, экологи и экономисты работают независимо, однако результаты их исследований могут быть объединены в общем отчете	Рассмотрение одной проблемы с разных точек зрения, но без задачи объединения результатов в единое знание. Целостное знание возможно на основе множества дисциплинарных перспектив, но с позиции внешнего наблюдателя
Полидисциплинарность (Polydisciplinarity)	Низкая степень интеграции (механическая интеграция на этапе общего отчета или коллективной монографии). Интеграция со стороны внешнего наблюдателя	Исследование совершается параллельно специалистами из различных дисциплин, их взаимодействие возможно, однако не обязательно	Изучение изменений климата с привлечением автономно работающих биологов, химиков, метеорологов, экономистов и политологов	Охват более широкой исследовательской области вне строгой координации между дисциплинами. Целостное знание на основе множества дисциплинарных перспектив
Междисциплинарность (Interdisciplinarity)	Средняя интеграция. Знание интегрируется в пределах одной из дисциплин	Взаимодействие исследователей, творческий обмен методами, подходами и концепциями	Клинические исследования вакцин врачами, биологами и химиками — изучение проблемы с позиции и инструментами разных наук	Интеграция знаний из нескольких дисциплин для решения конкретной задачи. Зaimствование методов и подходов; рост креативных решений на стыке наук
Трансдисциплинарность (Transdisciplinarity)	Высокая интеграция. Познание преодолевает дисциплинарные границы, возникает новый метаяровень интеграции знания	Совместная работа, взаимодействие и диалог исследователей, формирование в ходе исследования новых подходов, методов и исследовательских стратегий за пределами отдельных дисциплин	Изучение устойчивого развития, глобальных вызовов, проблем идентичности в «переломном мире». Подходы, методы и методологии создаются в ходе исследования. Происходит активное самообучение субъектов посредством исследования	Фокус на сложных и глобальных проблемах. Движение сквозь дисциплины, открытость, гибкость и текущесть исследования Объединение теоретического и прикладного знания Новое целостное понимание изучаемой проблемы

На сегодняшний день трансдисциплинарные исследования представляют собой поисковую модель текучих методологий. В Оксфордском справочнике по трансдисциплинарным исследованиям проанализированы конкретные реализации такого подхода к решению глобальных и социальных проблем (Hirsch Hadorn et al., 2008). При этом каждое исследование уникально: опыт не передается, однако служит моделью или отправной точкой для другого оригинального исследования. В ходе трансдисциплинарных исследований происходит самообучение и изменение участников. В этом суть трансдисциплинарности в действии. «Основной задачей трансдисциплинарного исследования является рекурсивная интеграция разнообразных научных и общественных взглядов на проблемы в ходе исследовательского процесса» (Hirsch Hadorn et al., 2008, p. 414).

Трансдисциплинарные исследования крайне разнообразны, но, чтобы выделить технологии, касающиеся подвижной интеграции знания, текучести и гибкости исследовательских стратегий, приведем несколько конкретных описаний. Первое взято из Оксфордского справочника по сверхразнообразию (речь здесь идет о практически безграничном потенциале инновационного дизайна трансдисциплинарных исследований): «Использование музыки в качестве отправной точки позволяет проникнуть в социальные образования, которые делают возможными новые и гибридные формы самовыражения. Художественные коллаборации могут раскрыть новые уровни понимания структуры и агентности в условиях высокого культурного разнообразия, показать, как музыка взаимодействует с дискурсами, циркулирующими в обществе, или сопротивляется им, а также какие встречи эти художественные и выразительные формы делают возможными в публичном и интимном пространстве. Наконец, такой подход позволяет получить доступ к аффективному уровню реальности для понимания социальной сложности — как в отношении воплощенного эмоционального опыта, вызываемого музыкой, так и в качестве способа осмысления множества форм жизни в условиях сверхразнообразных городов. Такое исследование могло бы объединить этнографические методы с методами, основанными на искусстве, для постижения выразительных и аффективных аспектов реальности, а также количественные данные и анализ на уровне сообществ или популяции для описания множества действующих лиц и категорий, взаимодействующих в заданном локальном контексте» (Vertovec et al., 2022, p. 228).

Второе описание принадлежит перу Д. Бахманн-Медик, исследующей каскады культурных поворотов (Бахманн-Медик, 2017). В ее интерпретации средством обеспечения подвижности и интеграции знания становится перевод, который «осознается как важнейшая аналитическая категория и необходимая характеристика социального действия как такового»; становится «категорией, чувствительной к разладам и трениям глобального мира (и одновременно ответственной за них), облегчающей микроанализ конфликтных взаимодействий между этносами, странами, классами, гендерными позициями и формами правления» (Бахманн-Медик, 2013). Взятый же в качестве интегрирующей методологической стратегии перевод выявляет процесс, где образы, воплощенные в тех или иных феноменах культуры, становятся внутренними образами субъекта.

Какое отношение все это имеет к психологической науке? В наших работах ранее было показано, что саморефлексия психологии как современной науки в контексте трансдисциплинарного поворота ведет к осознанию значимости сотруд-

ничества с антропологией и переосмыслению психологии как одного из акторов в интеллектуальной сети социогуманитарного знания. Это означает, что, если психология изучает не абстрактного индивидуума, а человека, включенного в локальные группы и сообщества; живущего в той или иной культуре; совершающего поступки и исторические деяния; порождающего тексты; и т. п., — то она не может отгородиться от антропологии, этнографии, истории, литературоведения, социологии, филологии и т. д. Она вынуждена сменить некогда прогрессивную установку междисциплинарного исследования (обмена знаний между психологией и антропологией) на установку психологии как антропологии. Последнее означает именно текучесть познания — движение, расширение, прорастание психологического исследования в антропологическое, историческое, культуральное, литературоведческое и т. д. — в зависимости от исследуемой проблемы и необходимости осмысления ее отражений в зеркалах смежных наук (Гусельцева, 2012).

Новая нормальность (так обозначены происходящие сейчас трансформации нормативности) охватывает и меняющие образы жизни людей, и познавательные практики. Общим местом сделались транснациональность науки и профессиональные миграции ученых, открытые коды, информационные потоки и обмены знания, меж- и трансдисциплинарность.

Трансдисциплинарный подход создает концептуальную рамку, где познавательные инструменты способны модернизироваться непосредственно в процессе исследования, а ученые — самообучаться. Таким образом, изменяющемуся человеку в изменяющемся мире отвечает сегодня как текучая методология, так и сам исследователь, владеющий разными ракурсами анализа, меняющий фокусировки взгляда на исследуемую реальность в процессе ее изучения. Яркой иллюстрацией такого рода может послужить знакомство с творческой биографией К. Карико (Karikó, 2023). В своей научной деятельности она придерживалась жесткого принципа: если человек — ученый, то он обязан знать, что делают его коллеги в смежных областях знания и в целом представлять передовые рубежи современной науки как таковой.

Заключение

Хотя внимание представителей социальных наук направлено на то, как меняется мир и идентичность человека в современном мире, не менее важную роль играют вопросы: как меняется методология? насколько релевантны исследовательские стратегии и практики? как ученому выстроить свою работу и профессиональную идентичность, чтобы адекватно понимать происходящие с человеком и миром трансформации? а в каких аспектах ученый, напротив, должен оставаться аутентичным и верным самому себе?

Следствием анализа особенностей современности, описанных как сверхсложность, сверхразнообразие, ускорение изменений, перегрев, идеальный шторм и т. п., стало понимание учеными ограниченной объяснительной силы имеющихся в распоряжении теорий, описывающих сегодня человека и мир, а также интенсивные разработки новой терминологии и концептуального аппарата; поиски методологической оптики, чувствительной к текучим трансформациям современности. Между тем ученому, как и всякому человеку, нелегко изменить уже сложившиеся

когнитивные привычки и способы видения, если только это не происходит в контексте решения новых задач. Потому реальной практикой текущей методологии и самообучающего познания становится трансдисциплинарное исследование — трансдисциплинарность в действии.

Литература

- Асмолов А. (ред.). *Mobilis in mobili: личность в эпоху перемен*. М.: Языки славянской культуры, 2018.
- Бажанов В., Шольц Р. В. (ред.). *Трансдисциплинарность в философии и науке: подходы, проблемы, перспективы*. М.: Навигатор, 2015.
- Бахманн-Медик Д. *Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре*. М.: Новое литературное обозрение, 2017.
- Бауман З. *Текущая современность*. СПб.: Питер, 2008.
- Бойм С. *Ребята, нас обманули! (Жизнь в рассказах)*. М.: Academic Studies Press / Библиороссика, 2025.
- Гришина Н. В. Проблема концептуализации контекста в современной психологии // *Соц. психол. и общество*. 2018. Т. 9. № 3. С. 10–20.
- Гришина Н. В., Костромина С. Н. Процессуальный подход: устойчивость и изменчивость как основание целостности личности // *Психол. журн*. 2021. Т. 42. № 3. С. 39–51.
- Гусельцева М. С. Антропологическая оптика в психологии и гуманитаристике // *Вопросы психологии*. 2012. № 5. С. 3–18.
- Гусельцева М. С. Метамодернизм в психологии: новые методологические стратегии и изменения субъективности // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология*. 2018. Т. 8 (4). С. 327–340.
- Гусельцева М. С. Обзор книги Katalin Karikó «Breaking Through: My Life in Science» // *Новые психологические исследования*. 2025. № 2. С. 261–286. https://doi.org/10.51217/npsyresearch_2025_05_02_12
- Гусельцева М. С. Принцип развития в современной психологии: вызовы полипарадигмальности и трансдисциплинарности // *Разработка и реализация принципа развития в современной психологии* / под ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко. М.: Ин-т психологии РАН, 2016. С. 31–51.
- Гусельцева М. С. Психология и новые методологии: эпистемология сложного // *Психологические исследования*. 2015. Т. 8. № 42. С. 11. URL: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/530/276> (дата обращения: 17.02.2025).
- Леонтьев Д. А. Личность в непредсказуемом мире // *Методология и история психологии*. 2010. Т. 5. Вып. 3. С. 120–140.
- Марцинковская Т. Д. Современная психология — вызовы транзитивности // *Психологические исследования*. 2015. Т. 8, № 42. С. 1. <https://doi.org/10.54359/ps.v8i42.533>
- Морен Э. *О сложности*. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2019.
- Морен Э. *Метод. Природа природы*. М.: Прогресс-Традиция, 2005.
- Павлов А. Образы современности в XXI веке: метамодернизм // *Логос: философско-литературный журнал*. 2018. Т. 28. № 6. С. 1–19.
- Akker van den R., Gibbons A., Vermeulen T. (eds). *Metamodernism: Historicity, affect, and depth after post-modernism*. London: Rowman & Littlefield International, 2017.
- Barnett R. *Realizing the university in an age of supercomplexity*. Philadelphia: Society for Research into Higher Education & Open University Press, 2000.
- Dempsey B. G. *Metamodernism: Or, The cultural logic of cultural logics*. Baxter: ARC Press. 2023.
- Dotlich D. L., Cairo P. C., Rhinesmith S. H. *Leading in times of crisis: Navigating through complexity, diversity, and uncertainty to save your business*. San Francisco: Wiley, 2009.
- Eriksen T. H. Creolization in anthropological theory and in Mauritius // Walnut S. Ch. (ed.). *Creolization: History, ethnography, theory*. Creek: Left Coast Press, 2007. P. 154–177.
- Eriksen T. H. *Engaging anthropology: The case for a public presence*. Oxford: Berg Publishers, 2006.
- Eriksen T. H. *Overheating. An anthropology of accelerated change*. London: Pluto Press, 2016.
- Eriksen T. H. *The anthropology of transnational flows: Methodological issues*. London: Pluto Press, 2003.

- Eriksen T. H. Transformations, complexity, and rapid change // S. Vertovec, N. Sigona, F. Meissner (eds). The Oxford handbook of superdiversity. Oxford: Oxford University Press, 2022. P. 403–415.
- Eriksen T. H., Schober E. Identity destabilized: Living in an overheated world. London: Pluto Press, 2016.
- Eriksen T. H., Visentin M. Acceleration and cultural change: Dialogues from an overheated world. Berlin: Springer, 2024.
- Frodeman R., Klein J. T., Mitcham C. (eds). The Oxford handbook of interdisciplinarity. Oxford: Oxford University Press, 2017.
- Hannerz U. Flows, boundaries and hybrids: Keywords in transnational anthropology // Mana (Rio de Janeiro). 1997. Vol. 3 (1). P. 7–39.
- Hirsch Hadorn G., Hoffmann-Riem H., Biber-Klemm S., Grossenbacher-Mansuy W., Joye D., Pole Ch., Wiesmann U., Zemp E. (eds). Handbook of transdisciplinary research. Berlin: Springer, 2008.
- Karikó K. Breaking through: My life in science. New York: Crown, 2023.
- Lange van P. A. M. (ed.). Bridging social psychology: Benefits of transdisciplinary approaches. Mahwah: Erlbaum, 2006.
- Vermeulen T., Akker van den R. Notes on metamodernism // Journal of Aesthetics & Culture. 2010. Vol. 2. URL: <http://www.aestheticsandculture.net/index.php/jac/article/view/5677> (дата обращения: 06.08.2025).
- Vertovec S. Super-diversity and its implications // Ethnic and Racial Studies. 2007. Vol. 30 (6). P. 1024–1053.
- Vertovec S. (ed.). Routledge international handbook of diversity studies. New York: Routledge, 2014.
- Vertovec S., Sigona N., Meissner F. (eds). The Oxford handbook of superdiversity. Oxford: Oxford University Press, 2022.

Статья поступила в редакцию 24 февраля 2025 г.;
рекомендована к печати 12 мая 2025 г.

Контактная информация:

Гусельцева Марина Сергеевна — д-р психол. наук; <https://orcid.org/0000-0002-0545-0612>,
mguseltseva@mail.ru

Ongoing transformations: Human, world, methodology

M. S. Guseltseva

Federal Scientific Center for Psychological and Interdisciplinary Research (Psychological Institute),
9, ul. Mokhovaya, Moscow, 125009, Russian Federation

For citation: Guseltseva M. S. Ongoing transformations: Human, world, methodology. *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, 2025, vol. 15, issue 3, pp. 352–370. EDN ITVKUQ (In Russian)

The article discusses the key transformations of the present era, the changes occurring in humanity and the world, as well as the challenges associated with research strategies for studying these processes. Among the primary factors driving these transformations, scholars highlight globalization and digitalization, along with the phenomenon of blending various trends, known under different names: hybridization, creolization, and mixing. Change, complexity, diversification, and turbulence have become the focus of attention and reflection in the social sciences. However, at the turn of the 20th and 21st centuries, the issue of an inadequate methodological and terminological framework for describing contemporary transformations emerged. Both humanity and the world have developed characteristics that are either invisible or not fully reflected in models built on previous conceptions of reality. The understanding of the present in terms of becoming, processuality, and ongoing changes in humanity and the world is reflected in several overarching scientific concepts, such as the metamodernism paradigm, the concept of liquid modernity, the theory of supercomplexity, the notion of superdiversity, the “overheated world” framework, and the “perfect storm” model. The authors

of these concepts agree that studying change requires new methodological strategies and a more refined analytical toolkit. These new methodological approaches are ultimately aimed at developing inter- and transdisciplinarity. Through an analysis of the aforementioned concepts, the article substantiates ideas regarding the relevance of methodological strategies in studying contemporary transformations. It argues that achieving methodological relevance should be centered around two interdependent movements: (1) from liquid modernity to liquid methodology and (2) from a changing world to a changing researcher. Transdisciplinarity in action is presented as a mechanism of conscious self-learning by the researcher directly in the process of investigation.

Keywords: methodology, human and the world, transformation, supercomplexity, superdiversity, identity, transdisciplinarity in action.

References

- Akker, van den R., Gibbons A., Vermeulen T. (eds). (2017). *Metamodernism: Historicity, affect, and depth after postmodernism*. London, Rowman & Littlefield International.
- Asmolv, A. (ed.) (2018). *Mobilis in mobili: personality in an era of change*. Moscow, YaSK Publ. (In Russian)
- Barnett, R. (2000). Realizing the university in an age of supercomplexity. Philadelphia, Society for Research into Higher Education & Open University Press.
- Bachmann-Medic, D. (2017). *Cultural turns. New landmarks in cultural sciences*. Moscow, New Literary Review Publ. (In Russian)
- Bauman, Z. (2008). *Liquid modernity*. St. Petersburg, Piter Publ. (In Russian)
- Bazhanov, V., Shol'ts, R. V. (eds). (2015). *Transdisciplinarity in philosophy and science: Approaches, problems, prospects*. Moscow, Navigator Publ. (In Russian)
- Boym, S. (2025). *Guys, we've been deceived! (Life in stories)*. Moscow, Academic Studies Press / Bibliorossika Publ. (In Russian)
- Dempsey, B. G. (2023). *Metamodernism: Or, the cultural logic of cultural logics*. Baxter, ARC Press.
- Dotlich, D. L., Cairo, P. C., Rhinesmith, S. H. (2009). *Leading in times of crisis: Navigating through complexity, diversity, and uncertainty to save your business*. San Francisco, Wiley.
- Eriksen, T. H. (2007). Creolization in anthropological theory and in Mauritius. In: Stewart, Ch. (ed.). *Creolization: History, ethnography, theory* (pp. 154–177). Walnut Creek: Left Coast Press.
- Eriksen, T. H. (2016). *Overheating. An Anthropology of accelerated change*. London, Pluto Press.
- Eriksen, T. H. (2006). *Engaging anthropology: The case for a public presence*. Oxford, Berg Publishers.
- Eriksen, T. H. (2003). *The anthropology of transnational flows: Methodological issues*. London, Pluto Press.
- Eriksen, T. H., Visentin, M. (2024). Acceleration and cultural change: Dialogues from an overheated world. Berlin, Springer.
- Frodeman, R., Klein, J. T., Mitcham, C. (eds). (2017). *The Oxford handbook of interdisciplinarity*. Oxford, Oxford University Press.
- Hannerz, U. (1997). Flows, boundaries and hybrids: Keywords in transnational anthropology. *Mana (Rio de Janeiro)*, 3 (1), 7–39.
- Hirsch Hadorn G., Hoffmann-Riem H., Biber-Klemm S., Grossenbacher-Mansuy W., Joye D., Pole Ch., Wiesmann U., Zemp E. (eds.). (2008). *Handbook of transdisciplinary research*. Berlin, Springer.
- Grishina, N. V., Kostromina, S. N. (2017). Personality psychology: Rethinking traditional approaches in context challenges of modern reality. *Psikhologicheskoe issledovaniia*, 10 (52), 1. <https://doi.org/10.54359/ps.v10i52.385> (In Russian)
- Guseltseva, M. S. (2012). Anthropological optics in psychology and humanitarian science. *Voprosy psikhologii*, 5, 3–18. (In Russian)
- Guseltseva, M. S. (2018). Metamodernism in psychology: New methodological strategies and changes of subjectivity. *Vestnik of St. Petersburg University. Psychology*, 8, 4, 327–340 (In Russian)
- Guseltseva, M. S. (2025). Review on the book “Breaking through: My life in science” by Katalin Karikó. *New Psychological Research*, 2: 261–286. https://doi.org/10.51217/npsyresearch_2025_05_02_12 (In Russian)
- Guseltseva, M. S. (2016). The principle of development in modern psychology: Challenges of polyparamodality and transdisciplinarity. In: Zhuravlev, A. L., Sergienko E. A. (eds). *Development and im-*

- plementation of the principle of development in modern psychology (pp. 31–51). Moscow, Institute of Psychology RAS Press. (In Russian)
- Karikó, K. (2023). *Breaking through: My life in science*. New York, Crown.
- Lange, van P.A.M. (ed.) (2006). *Bridging social psychology: Benefits of transdisciplinary approaches*. Mahwah, Erlbaum.
- Leont'ev, D.A. (2010). Personality in an unpredictable world. *Metodologiya i istoriya psikhologii*, 5 (3), 120–140. (In Russian)
- Martsinkovskaya, T.D. (2015). Modern psychology — challenges of transitivity. *Psikhologicheskie issledovaniya*, 8 (42), 1. <https://doi.org/10.54359/ps.v8i42.533> (In Russian)
- Vermeulen T., Akker van den R. (2010). Notes on metamodernism. *Journal of Aesthetics & Culture*. 2, Available at: <http://www.aestheticsandculture.net/index.php/jac/article/view/5677> (accessed: 06.08.2025).
- Vertovec, S. (2007). Super-diversity and its implications. *Ethnic and Racial Studies*, 30 (6), 1024–1053.
- Vertovec, S. (ed.) (2014). *Routledge international handbook of diversity studies*. New York, Routledge.
- Vertovec, S., Sigona, N., Meissner, F. (eds). (2022). *The Oxford handbook of superdiversity*. Oxford, Oxford University Press.

Received: February 24, 2025

Accepted: May 12, 2025

Author's information:

Marina S. Guseltseva — Dr. Sci. in Psychology; <https://orcid.org/0000-0002-0545-0612>,
mguseltseva@mail.ru